

УДК 327.17:81

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА (2023–2024) В ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЯХ ХАМАС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нестеров Егор Алексеевич

- e-mail: nesterov_egor03@mail.ru;
независимый исследователь,
г. Москва, Российская Федерация;

Нестерова Альбина Александровна

- e-mail: anesterova77@rambler.ru;
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной и педагогической психологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Нестеров Е. А., Нестерова А. А. Репрезентация палестино-израильского конфликта (2023–2024) в официальных заявлениях ХАМАС и Российской Федерации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 29.05.2025
- Статья размещена на сайте 08.09.2025

СТРУКТУРА

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Политический дискурс в освещении палестино-израильского конфликта](#)

[Процедура и методы исследования](#)

[Палестино-израильский конфликт в риторике ХАМАС и внешней политике России: междисциплинарный сравнительный анализ](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности репрезентации палестино-израильского конфликта в 2023–2024 гг. в официальных дискурсах исламского движения ХАМАС и руководства Российской Федерации; дать оценку степени конвергенции или дивергенции их позиций в контексте международного восприятия и политической риторики.

Процедура и методы. Основной метод, применяемый в работе, – критический дискурс-анализ (КДА). КДА позволяет не только деконструировать официальные позиции ХАМАС и России, но и раскрыть, как язык служит инструментом политической стратегии: формирует общественное мнение, легитимирует действия, воспроизводит иерархии власти и идеологические противоречия. Посредством анализа риторики и структуры официальных заявлений представляется возможным выявить стратегии, используемые для убеждения аудитории и легитимации действий сторон в условиях внутриконфликтной динамики.

Результаты. Выявленные сходства и различия в дискурсе негосударственного исламистского движения ХАМАС и Российской Федерации отражают специфику их позиций в системе международных отношений и обусловленность внешнеполитических стратегий различными уровнями ответственности и допустимого риторического пространства. В качестве субъекта международной политики, обладающего суверенитетом и стремящегося к обеспечению стабильного международного имиджа, Российская Федерация вынуждена придерживаться рамок дипломатической коммуникации, тогда как ХАМАС, функционируя вне традиционных норм государственной практики, может использовать более радикализированную и эмоционально окрашенную риторику. Палестино-израильский конфликт продолжает оставаться полем геополитического противостояния как региональных, так и глобальных акторов, которые используют палестинский вопрос в целях продвижения собственных интересов.

Теоретическая и / или практическая значимость заключается в том, что исследование углубляет понимание взаимодействия государственных и негосударственных акторов в контексте международных конфликтов, раскрывая механизмы формирования их дискурса через призму геополитических интересов и идеологических различий. Анализ официальных заявлений ХАМАС и Российской Федерации демонстрирует, как разнородные субъекты (негосударственная радикальная организация и суверенное государство) могут конвергировать в критике внешней политики третьих стран (например, США и Израиля)

при сохранении принципиальных различий в риторике и стратегиях. Это позволяет расширить существующие теоретические рамки, объединяя подходы к изучению политического дискурса, геополитики и идеологии, а также вносит вклад в методологию сравнительного анализа дискурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

палестино-израильский конфликт, ХАМАС, международная политика РФ, критический дискурс-анализ

ВВЕДЕНИЕ

Современная система международных отношений характеризуется усилением региональных конфликтов, которые приобретают всё большее значение в контексте обеспечения глобальной безопасности [1; 3; 21]. Одним из наиболее продолжительных и сложных противостояний, сохраняющим высокую степень актуальности на международной арене, остаётся палестино-израильский конфликт. Его влияние выходит за рамки ближневосточного региона, привлекая постоянное внимание мирового сообщества, международных организаций и средств массовой информации [7; 13].

Многолетняя затянутость конфликта обусловлена переплетением разнообразных факторов – исторических, политических, этнокультурных и религиозных. Сложность достижения устойчивого урегулирования заключается в том, что конфликт вышел за пределы локального взаимодействия непосредственных участников, став полем геополитического соперничества как региональных, так и глобальных игроков.

На современном этапе палестино-израильское противостояние выходит за рамки локального конфликта, превращаясь своего рода в «точку конвергенции» широкого спектра геополитических интересов, вовлекающих в свою орбиту ключевые международные и региональные акторы, включая Российскую Федерацию [15]. Обладая статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и богатой историей участия в ближневосточных урегулированиях, Россия сохраняет значимую роль в процессах посредничества и политического урегулирования ситуации в данном регионе. Её вовлечённость в урегулирование обусловлена, с одной стороны, стремлением способство-

вать восстановлению стабильности в стратегически важном регионе, а с другой – необходимостью обеспечения безопасности и защиты интересов российских граждан и соотечественников, проживающих на территории Ближнего Востока [12].

Одним из ключевых факторов, влияющих на эволюцию и восприятие международных конфликтов, является риторика, используемая в официальных заявлениях государственных структур и политических субъектов. Декларативные высказывания представителей власти и организаций выполняют важную функцию легитимации принимаемых решений и действий, формируя как внутреннюю, так и внешнюю поддержку соответствующей позиции. Такие заявления нередко используются для обоснования применения военной силы, при этом действия представляются оправданными и соответствующими нормам международного права или интересам национальной безопасности [5]. В условиях высокой информационной насыщенности современного мира официальные заявления становятся важным элементом информационно-психологической борьбы: они направлены как на дискредитацию образа оппонента, так и на формирование лояльного восприятия своей позиции среди международного и национального общественного мнения.

События 2023 г. вновь поставили палестино-израильский конфликт в центр внимания международного сообщества. В этих условиях представляет интерес анализ способов публичной интерпретации происходящего ключевыми участниками конфликта и внешними акторами, вовлечёнными в процессы его урегулирования. В качестве таких акторов выступает исламское движение ХАМАС, непосредственно участвующее в противостоянии, и Российская Федерация, стремящаяся к участию в международных посреднических инициативах. Официальные заявления ХАМАС и РФ играют важную роль в формировании дискурсивного поля вокруг конфликта, оказывая влияние на общественное восприятие как внутри их собственных аудиторий, так и на глобальном уровне. Вместе с тем в существующей академической литературе наблюдается нехватка работ, которые бы системно сравнивали риторические стратегии различных государственных и негосударственных акторов, отражающие их ценности, интересы, претензии и мотивационные установки. Такой анализ мог бы способствовать более глубокому пониманию механизмов политической коммуникации в условиях международных кризисов и противостояний.

В рамках работы рассматривается влияние дискурсивных стратегий на динамику конфликта: способствуют ли они эскалации напряжённости или создают предпосылки для диалога. Полученные результаты могут способствовать развитию методов анализа международных кризисов через призму критического дискурс-анализа, учитывающего идеологические и геополитические аспекты.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ОСВЕЩЕНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Исследование политического дискурса как направление в рамках политической науки сформировалось относительно недавно – в конце XX столетия [10], однако его теоретические истоки восходят к глубокой исторической традиции [6; 11].

Одним из ключевых методов исследования политического дискурса является критический дискурс-анализ (КДА), позволяющий выявлять связь между языковыми стратегиями, распределением власти и идеологией [20]. Основоположник метода Н. Фэрклоу отмечал, что «язык СМИ и политических заявлений не просто передает информацию, но и формирует восприятие реальности» [20, р. 47].

Язык не только отражает мир, но и конструирует его, часто с идеологическим уклоном. Например, КДА выявляет предвзятость в освещении конфликтов, как в случае западных СМИ при освещении израильско-палестинского кризиса [23]. Язык играет ключевую роль в формировании восприятия событий: через выбор лексики, структуры предложений и аргументации, которые могут как эскалировать напряжённость, так и способствовать примирению.

Критический дискурс-анализ, как отмечает И. Чилува, помогает выявлять идеологические установки через язык – оценочные слова, метафоры, выбор субъектов действий. Это связывает лексические особенности с широким политическим и социальным контекстом [18]. В освещении конфликтов важны фрейминг, символы, формирующие идентичность, и гейткиппинг – отбор информации, влияющей на восприятие событий. Анализ публичных выступлений показывает, что политики используют конфликты для создания «образа врага», укрепления власти и мобилизации сторонников. Однако такая риторика усиливает поляризацию, снижает доверие к институтам и за-

трудняет диалог [17; 19]. В рамках российской политической компаративистики дискурс-анализ рассматривается как мощный, но требующий аккуратности метод, позволяющий раскрыть идеологические мотивы, стратегии легитимации власти и динамику международных конфликтов через призму языковых практик [2].

Таким образом, критический дискурс-анализ предполагает комплексное изучение речевых практик, в котором учитываются лингвистические особенности высказываний, когнитивные процессы, лежащие в основе их восприятия, а также широкий социальный контекст их функционирования. Особое внимание при этом уделяется историческим, культурным и институциональным условиям, в которых формируется дискурс. Такой подход открывает возможность для выявления скрытых механизмов, через которые язык способствует конструированию общественной реальности, а также воспроизводству структур власти и социальной дифференциации.

Палестино-израильский конфликт, возникший в начале XX в., остаётся одним из наиболее сложных и продолжительных противостояний в современной истории. Его корни уходят в идеологические и материальные споры о земле, праве на самоопределение и контроле над ключевыми территориями. Конфликт неоднократно эскалировался на уровень военных столкновений, радикализации национальных и религиозных идентичностей и глобальной политической поляризации [4; 12].

Совокупность идеологических и социальных трансформаций в арабских обществах второй половины XX в. способствовала распространению исламистских движений, особенно среди молодёжных групп палестинского населения [22]. Одним из таких движений стало движение ХАМАС (движение Харокат аль-Мукавама аль-Исламия), основанное в 1987 г. [9; 16].

ХАМАС позиционирует себя как последовательного противника государства Израиль, что находит выражение в регулярных вооружённых действиях, включая ракетные обстрелы и другие формы противостояния. Несмотря на осуждение его деятельности со стороны значительной части международного сообщества и признание организации рядом государств террористической, ХАМАС сохраняет высокий уровень поддержки среди определённых слоёв палестинского населения. Этот феномен обусловлен несколькими факторами: во-первых, демонстрацией непримиримой позиции по отношению к Изра-

ию; во-вторых, предоставлением социальных услуг и реализацией благотворительных программ, которые компенсируют недостаточную эффективность светских институтов в условиях кризиса.

Движение ХАМАС поддерживает широкую сеть связей с различными государствами, политическими группировками и общественными организациями. Для продвижения своей идеологии и формирования соответствующего общественно-го восприятия ХАМАС развивает собственные медиаресурсы, включая телеканал «Аль-Акса» и тематические интернет-порталы [14]. Подобные мероприятия служат частью внешнеполитической стратегии ХАМАС, направленной на укрепление легитимности своих позиций и продвижение собственной интерпретации развития палестино-израильского конфликта на международной арене [8].

Палестино-израильский конфликт, длящийся уже несколько десятилетий, остаётся предметом многозначной интерпретации со стороны различных участников международной арены [4; 7]. На протяжении всего периода противостояния как непосредственные участники – израильское и палестинское руководство, так и внешние акторы, включая российские власти и идеологов ХАМАС, неоднократно обвиняли друг друга в субъективности, пристрастности и продвижении своих собственных интересов. Примечательно, что одни и те же события в официальных дискурсах разных сторон могут быть представлены как принципиально различные по своей сути явления.

Это феномен разночтений достигается путём стратегического выбора лексики, трактовки фактов, их селективного представления или полного умолчания, а также посредством манипулирования контекстом. В результате формируются дискурсы, которые не просто отличаются, но часто противоречат друг другу, создавая полярные образы конфликта и закрепляя его в качестве одного из наиболее дискуссионных вопросов современной международной политики.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирической основы данного исследования использованы официальные выступления политических деятелей, сделанные в период с 7 октября 2023 г. по май 2024 г., посвящённые палестино-израильскому конфликту. Материал

включает речи политического руководства Российской Федерации, а также представителей исламского движения, дипломатические заявления, интервью и документы, отражающие позиции РФ и ХАМАС. Выбранный временной промежуток охватывает эскалацию напряжённости в регионе и последующие попытки дипломатического урегулирования, что обеспечивает репрезентативность данных для анализа динамики дискурса.

Цель данного исследования – осуществить сравнительный анализ репрезентации палестино-израильского конфликта в 2023–2024 гг. в официальных дискурсах исламского движения ХАМАС и руководства Российской Федерации; выявить и охарактеризовать подходы указанных субъектов к интерпретации природы, причин и перспектив урегулирования данного противостояния; дать оценку степени конвергенции или дивергенции их позиций в контексте международного восприятия и политической риторики.

Для достижения цели исследования применены следующие *методы*:

1. Критический дискурсивный анализ – направлен на выявление лингвистических стратегий, которыми формируются представления о конфликте, а также на интерпретацию скрытых идеологических установок в риторике политиков.

2. Метод сплошной выборки – обеспечивает полноту анализа за счёт включения всех доступных официальных заявлений за указанный период, что минимизирует риск субъективного отбора данных.

Выбор методов обусловлен задачами раскрыть связь между языковыми практиками и геополитическими стратегиями, а также выявить механизмы легитимации позиций сторон через дискурсивные конструкции.

Официальные заявления ХАМАС и Российской Федерации по палестино-израильскому конфликту были взяты из разнообразных источников, отражающих специфику их коммуникационных стратегий. ХАМАС активно использует социальные сети (Twitter, Telegram) для оперативного распространения радикализованной риторики, направленной на мобилизацию сторонников и международную аудиторию, а также проводит пресс-конференции высшего руководства (например, Исмaила Хании) для формулирования официальной позиции. Дополнительно движение задействует подконтрольные медиа телеканал «Аль-Акса» и информгентство «Палестин-

ский информационный центр» (Palinfo.com), которые усиливают пропагандистский эффект, адресуясь преимущественно к арабской и частично западной аудитории. Неофициальные утечки в независимые СМИ позволяют тестировать общественное мнение без прямой ответственности.

Российская Федерация, напротив, опирается на государственные институты: заявления публикуются через сайт МИД (mid.ru), постоянное представительство РФ при ООН (russiaun.ru), официальные каналы президента (kremlin.ru) и Совбеза (scrf.gov.ru).

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В РИТОРИКЕ ХАМАС И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сравнительный анализ официальных заявлений ХАМАС и Российской Федерации в контексте палестино-израильского конфликта позволяет выявить как общие черты, так и значимые различия в их дискурсивных стратегиях.

1. *Идеологическая солидарность и дискурсивные различия в оценке действий Израиля.* Несмотря на различную природу своих политических позиций, ХАМАС и Российская Федерация демонстрируют определённую степень согласованности в осуждении действий государства Израиль в контексте палестино-израильского конфликта. Однако способы выражения этой критики существенно различаются, что обусловлено спецификой их идеологической риторики и коммуникативных стратегий.

ХАМАС как исламистское движение сопротивления формулирует свою позицию в рамках религиозно окрашенной повестки, где Израиль позиционируется как «оккупант», осуществляющий «систематическое угнетение палестинского народа через колониальные практики». Такая интерпретация основывается на восприятии конфликта не только как территориального противостояния, но и как борьбы за «священную землю» и справедливое устройство общества согласно исламским нормам.

В свою очередь, Россия, действуя в рамках международного права и многосторонней дипломатии, делает акцент на гуманитарных аспектах текущих событий. В её официальных заявлениях доминируют ссылки на необходимость соблюдения

прав человека, обеспечение доступа гуманитарной помощи и предотвращение эскалации насилия. Такой подход соответствует статусу России как субъекта международных отношений, стремящегося сохранять легитимность своей позиции в глазах мирового сообщества.

2. *Дискурсивные различия в стратегиях урегулирования конфликта.* Ещё одной ключевой точкой расхождения между двумя субъектами является их видение путей разрешения конфликта. ХАМАС последовательно придерживается военно-сопротивленческого нарратива, рассматривая вооружённое противостояние как законный и эффективный инструмент достижения политических целей. Организация требует полной деоккупации палестинских территорий и отвергает возможность компромисса, который подразумевал бы отказ от принципиальных позиций. Российская Федерация, напротив, выступает за исключительно мирное урегулирование конфликта через дипломатические механизмы и многосторонние переговоры. Её подход соответствует роли страны как одного из посредников в рамках международного формата, известного как «ближневосточный квартет», и направлен на укрепление стабильности в регионе без прямого участия в боевых действиях.

3. *Различия в концептуальных представлениях о перспективах урегулирования конфликта.* Позиции ХАМАС и Российской Федерации по вопросам долгосрочного урегулирования палестино-израильского конфликта демонстрируют значительное расхождение в концептуальном подходе. Российская Федерация как постоянный участник международной дипломатии и член Совета Безопасности ООН выступает за реализацию модели «двух государств для двух народов». В рамках этой парадигмы предполагается создание независимых и признанных государств – Израиля и Палестины – на основе принципов взаимного уважения, территориальной целостности и обеспечения безопасности для обеих сторон.

ХАМАС, напротив, не разделяет данной модели и ограничивается декларированием цели восстановления суверенитета Палестины на всей территории исторической земли с установлением столицы в Восточном Иерусалиме. При этом в его официальных заявлениях отсутствует прямое признание необходимости сосуществования с Израилем. Такая позиция обусловлена идеологическими основами организации, которые исходят из религиозно обоснованного отрицания легитимно-

сти еврейского государства и ориентированы на радикальное переустройство регионального порядка.

4. *Совпадение интересов в контексте глобальной политической повестки.* Несмотря на различие подходов к урегулированию палестино-израильского конфликта, ХАМАС и Российская Федерация демонстрируют сходство в трёх ключевых направлениях: осуждении действий Израиля, поддержке прав палестинского народа и выступлении за право Палестины на суверенитет и независимость. Эти позиции отражают более широкую общую установку – стремление противостоять доминированию западных стран в международных делах и продвижение альтернативной, многополярной модели мирового порядка.

Для России участие в урегулировании ближневосточного конфликта служит инструментом укрепления её статуса как глобального игрока, способного влиять на развитие событий вне западного влияния. Для ХАМАС же это – возможность легитимировать свою деятельность на международной арене и представить свою борьбу как часть более масштабной борьбы за справедливость и самоопределение угнетённых народов.

Таким образом, хотя формы выражения этих целей различаются – через дипломатию в случае России и через идеологическое сопротивление в случае ХАМАС, – обе стороны используют палестинский вопрос как ресурс для реализации своих стратегических задач в условиях трансформации международной системы.

Приведём примеры различий в политическом дискурсе официальных заявлений РФ и ХАМАС в отношении палестино-израильского конфликта.

1. *Международное посредничество в фокусе дискурсов ХАМАС и Российской Федерации.*

Одним из ключевых элементов дискурса как ХАМАС, так и Российской Федерации является обращение к международному сообществу с призывами активизировать усилия по разрешению палестино-израильского противостояния. В официальных заявлениях движения подчёркивается необходимость глобального реагирования на происходящее.

Так, представители ХАМАС отмечают: *«Делегация руководства ХАМАС отметила, что преступления сионистской оккупации и её поведение против нашего народа и народов региона представляют собой серьёзную угрозу международному миру и*

безопасности»¹. Такая формулировка демонстрирует стремление организации представить конфликт не как локальное противостояние, а как проблему, имеющую транснациональное значение.

Схожие призывы содержатся и в официальной риторике Российской Федерации, однако они формулируются в рамках многосторонней дипломатии и международного права. В частности, в одном из заявлений говорится: «В складывающейся турбулентной ситуации Российская Федерация предпринимает интенсивные усилия, направленные на скорейшее урегулирование кризиса»², – а также подчёркивается необходимость коллективных действий: «...Мы призываем объединить усилия международного сообщества, направленные на деэскалацию обстановки, прекращение огня и поиск политического разрешения палестино-израильского конфликта»³.

II. Дискурсивные различия в представлении методов разрешения конфликта.

Значительные расхождения между позициями ХАМАС и других участников конфликта проявляются в степени радикальности используемой риторики и подходах к урегулированию противостояния. В официальных заявлениях движения доминируют формулировки, призванные обосновать легитимность вооружённой борьбы как средства достижения политических целей. Например, в одном из заявлений встречается выражение: «преступления сионистской оккупации»; также отмечается, что действия Израиля представляют собой «угрозу международному миру и безопасности»⁴. Такая лексика не только демонизирует оппонента, но и способствует конструированию образа справедливой и оправданной войны, соответствующей идеологической базе организации, которая отрицает само право Израиля на существование.

¹ تيمسارلا سامح فخر (2024). Запись от 19 января в 15:56 // Telegram: [сайт]. URL: <https://t.me/s/EEETCE> (дата обращения: 16.03.2025).

² Выступление Постоянного представителя В. А. Небензи в ходе 10-й чрезвычайной спецсессии ГА ООН по положению на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // Russiaun.ru: [сайт]. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/4011123> (дата обращения: 16.03.2025).

³ Путин призвал мир объединить усилия для прекращения палестино-израильского конфликта // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/19341679> (дата обращения: 16.03.2025).

⁴ تيمسارلا سامح فخر (2023). Запись от 14 декабря в 20:30 // Telegram: [сайт]. URL: <https://t.me/s/EEETCE> (дата обращения: 16.03.2025).

Однако в официальных заявлениях ХАМАС отсутствуют чётко обозначенные политические шаги, направленные на достижение конкретных целей в рамках мирного процесса. Нарратив сосредоточен на декларативных принципах, таких как требование вывода израильских войск с палестинских территорий, без предложений по механизму реализации этих целей. Это отражает приоритет организации на мобилизацию внутренней поддержки через эмоционально заряженные формулировки, а не на конструктивный диалог с международным сообществом.

На совместной пресс-конференции министра иностранных дел России С. В. Лаврова с представителями СМИ подчёркивалась приверженность РФ поиску устойчивого решения палестино-израильского конфликта, основанного на долгосрочных стратегических целях, а не на временных компромиссах. Это усиливает восприятие России как ответственного международного актора, способного предлагать комплексные подходы к урегулированию.

Особое внимание было уделено необходимости создания независимого палестинского государства в соответствии с резолюциями ООН. Опора на международное право легитимирует российские инициативы и укрепляет авторитет страны как гаранта выполнения решений ООН. Россия также настаивала на определении чёткого графика переговоров с заранее обозначенным результатом под эгидой ООН.

Заявление С. В. Лаврова: *«Мы заинтересованы в долгосрочном решении. Поэтому настаиваем не просто на обещании начать переговоры о создании государства Палестина, а о том, чтобы такие шаги были сделаны уже в практическом плане и был чёткий график, когда они завершатся тем результатом, которого требуют Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея ООН»⁵.*

Общим для обеих сторон остаётся признание необходимости усиления международного вовлечения в процесс урегулирования конфликта. Вместе с тем различия проявляются в степени радикальности используемой риторики и подходах к разрешению кризиса. При этом расхождения скорее носят нюансированный характер, чем выражают чёткое противостояние позиций, что указывает на определённый потенциал для

⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам заседания СБ ООН по Украине и открытых дебатов по ситуации на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // Russiaun.ru: [сайт]. URL: https://russiaun.ru/ru/news/pc_240124 (дата обращения: 16.03.2025).

пересечения интересов в рамках более широкой геополитической повестки.

III. Обвинения США и других западных стран в безоговорочной поддержке Израиля.

Одним из ключевых элементов дискурса как ХАМАС, так и Российской Федерации являются обвинения в адрес США и ряда западных государств в оказании беспрецедентной военной, политической и дипломатической поддержки Израилю. В заявлении руководства ХАМАСа, в частности, отмечается «*партнёрство [США] в проигрышной войне против нашего народа*», подчёркивается их «*полная ответственность за резню и массовые убийства*» палестинцев, а также утверждается, что конфликт в Секторе Газа не произошёл бы «*без американской военной, материальной и политической поддержки*» Израиля⁶.

Российская Федерация также активно использует критический тон в адрес западных стран. В частности, в её официальных заявлениях осуждаются блокирование США резолюций о прекращении огня в Совете Безопасности ООН, а также поддержка Израиля со стороны ФРГ в рамках Международного суда. Российская сторона подчёркивает, что эскалация конфликта стала следствием попыток Соединённых Штатов «*монополизировать посреднические усилия*» и «*продвигать узкокорыстные интересы*»⁷.

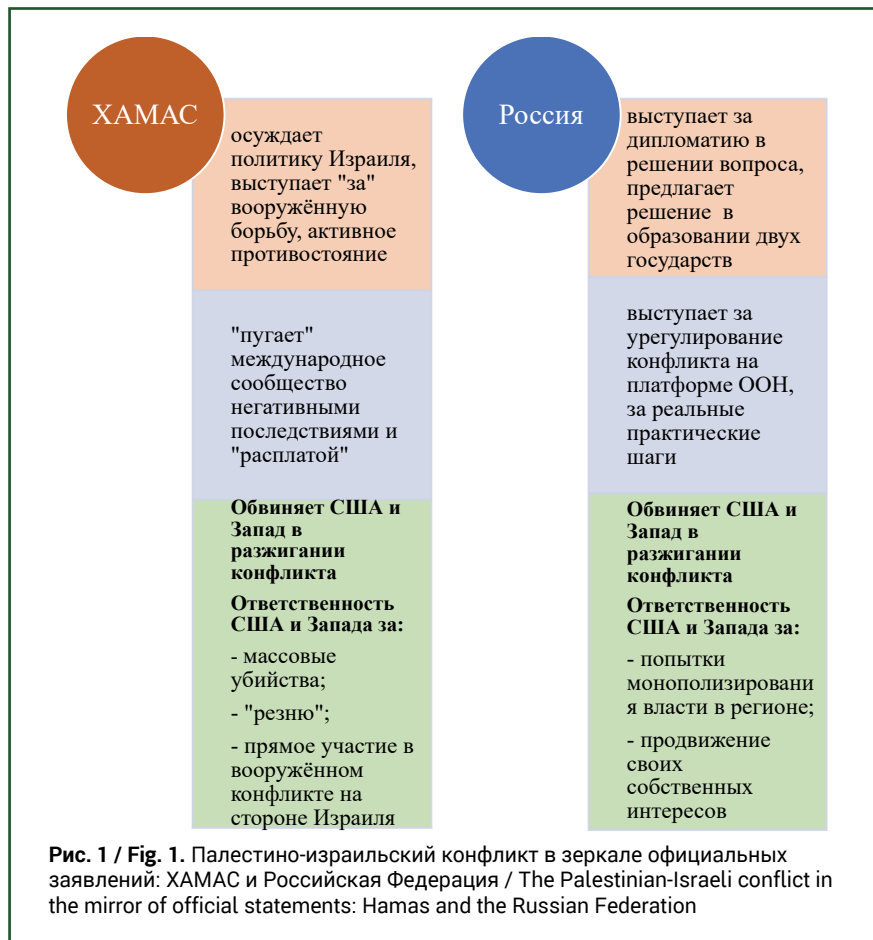
Вместе с тем между двумя дискурсами наблюдается различие в степени эмоциональной насыщенности и радикализма выражений. Так, ХАМАС прибегает к яркой, эмоционально заряженной лексике – «*проигрышная война против нашего народа*», «*резня и массовые убийства*», – тогда как российская риторика остаётся более нейтральной и формализованной, ограничиваясь формулировками типа «*попытки монополизировать*» или «*продвижение узкокорыстных интересов*». Кроме того, Россия прямо декларирует свою приверженность дипломатическим механизмам урегулирования, включая участие в формате «ближневосточного квартета» и продвижение «двухгосударственной модели». В свою очередь, ХАМАС в своих заявлениях не предлагает кон-

⁶ قيسرل سامح كفرح (2023). Запись от 27 декабря в 17:23 // Telegram: [сайт]. URL: <https://t.me/s/EEETCE> (дата обращения: 16.03.2025).

⁷ Выступление Первого заместителя Постоянного представителя Д. А. Полянского в ходе заседания ГА ООН по использованному в СБ ООН праву вето по положению на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос // Russiaun.ru: [сайт]. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/40524> (дата обращения: 16.03.2025).

кретных путей мирного разрешения конфликта, сосредотачивая внимание на легитимации военного сопротивления.

Таким образом, анализ цитат позволяет сделать вывод о наличии как значимых совпадений – прежде всего в критике роли США и других западных стран в конфликте, – так и различий в степени радикальности риторики и подходах к его урегулированию (рис. 1).

Официальные заявления ХАМАС и РФ в 2023 г. демонстрируют синтез идеологических и стратегических подходов, обусловленный их статусом и целями. Радикальная риторика ХА-

МАС, ориентированная на мобилизацию внутripалестинской поддержки, контрастирует с российской дипломатией, направленной на укрепление геополитического влияния через формат многосторонних переговоров. При этом общий фокус на легитимацию палестинского самоопределения и критику израильской политики подчёркивает их солидарность в рамках более широкой борьбы за перераспределение власти в международной системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ официальных заявлений ХАМАС и России в 2023–2024 гг. подтверждает наличие определённой конвергенции в их подходах к палестино-израильскому конфликту. Обе стороны выражают солидарность с Палестиной, осуждают действия Израиля и критикуют предвзятость США и Запада. Это объясняется совпадением геополитических интересов: обе стремятся ограничить влияние Израиля и его западных союзников, одновременно укрепляя собственную легитимность на международной арене. Таким образом, поддержка палестинской повестки становится не только проявлением солидарности, но и инструментом внешнеполитического влияния. Это открывает новые перспективы для изучения коалиций «против системы» в международных отношениях, что особенно актуально в эпоху многополярности.

Однако подходы различаются по форме. ХАМАС использует эмоциональную, основанную на религиозно-милитантной парадигме риторику, призывающую к вооружённому сопротивлению и дегуманизации противника. Россия как государственный субъект придерживается сдержанной дипломатической лексики, акцентируя важность мирного урегулирования через переговоры и многостороннее посредничество.

Эти различия отражают разный статус субъектов: Россия как член Совета Безопасности ООН вынуждена соблюдать нормы международной дипломатии, тогда как ХАМАС как негосударственный актор имеет большую свободу в выборе риторики. Такое сравнение способствует развитию теории политического дискурса, демонстрируя связь между формой коммуникации и политическим положением субъекта.

Перспективным направлением для исследования остаётся анализ медиа-репрезентации конфликта. СМИ и социальные

сети играют ключевую роль в формировании общественного восприятия и продвижении политических нарративов, что открывает возможности для изучения влияния гибридных медиа на восприятие международных кризисов и взаимодействие акторов информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдокова Л. З. Региональные конфликты: факторы, сущность, методы решения // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. №6. С. 158–163.
2. Актуальные вопросы политической компаративистики в России [Электронный ресурс] / А. В. Абрамов, В. М. Капицын, О. Ю. Кокурина, Д. С. Полулях, Сунь Чжици // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. DOI 10.18384/2224-0209-2024-3-1514.
3. Барановский В. Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика. М.: Весь Мир, 2021. 720 с.
4. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Фарапонова Т. К. и др. Палестино-израильский конфликт в ретроспективе: роль мировых элит в процессе мирного урегулирования // Власть. 2020. №4. С. 235–240.
5. Грудева Е. А. Языковые манипуляции и риторические стратегии в текстах политических выступлений: критический дискурс-анализ // Политическая лингвистика. 2024. №6. С. 57–69.
6. Дежиц А. Д. Концепция человека в философии Аристотеля [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2023. №4. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 03.03.2025).
7. Демидов К. Б. Палестино-израильский конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. №2. С. 15–33.
8. Крылов А. В., Морозов В. М. Идеология ХАМАС: от радикального исламизма к рациональному практицизму? // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С. 84–99.
9. Махмутова М. И. Специфика функционирования движения ХАМАС в современном мире // Вестник Брянского государственного университета. 2020. №3. С. 99–111.
10. Морина Л. П. Концепт «политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. №4. С. 134–141.

11. Туманова Е. О. Политический дискурс как метадискурс в таксономии дискурсивных практик (лингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. №3. С. 925–931.
12. Хайруллин Т. Р. Палестино-израильский конфликт 2023 года: реакция глобальных и региональных игроков // Азия и Африка сегодня. 2024. №6. С. 15–24.
13. Ханалиев Н. У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. №2. DOI 10.18384/2224-0209-2019-2-952.
14. Abdelal W. Hamas and the media: Politics and strategy. London: Routledge, 2016. 236 p.
15. Averre D. Russia and the Israel-Palestine conflict // Routledge Companion to the Israeli-Palestinian Conflict. Abingdon: Routledge, 2022. P. 449–459.
16. Awad H. Understanding Hamas: Remarks on Three Different and Interrelated Theoretical Approaches // AlMuntaqa. 2021. Vol. 4. №2. P. 42–62.
17. Bull P., Simon-Vandenberg A. M. Conflict in political discourse: conflict as congenital to political discourse // The Routledge Handbook of Language in Conflict. Abingdon: Routledge, 2019. P. 246–270.
18. Chilwa I. Investigating the language of conflict and peace in critical discourse studies // Critical Discourse Studies. 2024. №2. P. 1–6.
19. Djono J. H., Abidin N. F. Representation of political conflicts in history textbooks // Open Access Policy. 2023. Vol. 10. №1. P. 100–113.
20. Fairclough N. Language and power. London: Routledge, 2013. 274 p.
21. Farzayee S. From State-Centric to Security Complexes: A Review of Regional Security Complex Theory in International Relations // Resolusi: Jurnal Sosial Politik. 2023. Vol. 6. №2. P. 163–179.
22. Gunning J. Hamas in politics: democracy, religion, violence. Oxford: Oxford University Press, 2023. 320 p.
23. Kareem A. H., Najm Y. M. A critical discourse analysis of the biased role of western media in the Israeli-Palestinian conflict // Journal of Language Studies. 2024. Vol. 8. №6. P. 200–215.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Egor A. Nesterov

- e-mail: nesterov_egor03@mail.ru,
Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation

Albina A. Nesterova

- e-mail: anesterova77@rambler.ru,
Doctor. Sci. (Psychology), Prof.,
Department of Social and Educational Psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A str. 2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Nesterov, E. A. & Nesterova, A. A. (2025). Representation of the Palestinian-Israeli Conflict (2023) in Official Statements of HAMAS and the Russian Federation. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify how the reflection of the Palestinian-Israeli conflict is represented in 2023–2024 in the official discourses of the Islamic movement Hamas and the leadership of the Russian Federation; to assess the degree of convergence or divergence of their positions in the context of international perception and political rhetoric.

Methodology. The main method used in the work is critical discourse analysis (CDA). CDA allows not only to deconstruct the official positions of Hamas and Russia, but also to reveal how language serves as an instrument of political strategy – it shapes public opinion, legitimizes actions, reproduces hierarchies of power and ideological contradictions. By analyzing the rhetoric and structure of official statements, it is possible to identify the strategies used to convince the audience and legitimize the actions of the parties in the context of intra-conflict dynamics.

Results. The revealed similarities and differences in the discourse of the non-state Islamist movement Hamas and the Russian Federation reflect the specifics of their positions in the system of international relations and the

conditioning of foreign policy strategies by different levels of responsibility and acceptable rhetorical space. As a subject of international politics, possessing sovereignty and striving to ensure a stable international image, the Russian Federation is forced to adhere to the framework of diplomatic communication, while Hamas, operating outside the traditional norms of state practice, can use more radicalized and emotionally charged rhetoric. The Palestinian-Israeli conflict continues to be a field of geopolitical confrontation between both regional and global actors who use the Palestinian issue to advance their own interests.

Research implications. The article deepens the understanding of the interaction of state and non-state actors in the context of international conflicts, revealing the mechanisms of formation of their discourse through the prism of geopolitical interests and ideological differences. The analysis of official statements by Hamas and by the Russian Federation demonstrates how heterogeneous actors (a non-state radical organization and a sovereign state) can converge in criticizing the foreign policy of third countries (for example, the United States and Israel) while maintaining fundamental differences in rhetoric and strategies. This allows us to expand the existing theoretical framework by combining approaches to the study of political discourse, geopolitics and ideology, and contributes to the methodology of comparative discourse analysis.

Keywords

Palestinian-Israeli conflict, Hamas, Russian international policy, critical discourse analysis

References

1. Abdokova, L. Z. (2024). Regional Conflicts: Factors, Essence, Methods of Solution. In: *Social and Political Sciences*, 14 (6), 158–163 (in Russ.).
2. Abramov, A. V., Kapitsyn, V. M., Kokurina, O. Yu., et al. (2024). Current Issues of Political Comparative Studies in Russia. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3. DOI 10.18384/2224-0209-2019-2-952.
3. Baranovsky, V. G. (2021). *International Landscape: Era of Change. Selected Analytics*. Moscow: Ves Mir publ. (in Russ.).
4. Grigoryan, D. K., Kondratenko, E. N., Faraponova, T. K., et al. (2020). The Palestinian-Israeli Conflict in Retrospect: The Role of World Elites in the Peace Process. In: *The Authority*, 4, 235–240 (in Russ.).
5. Grudeva, E. A. (2024). Language Manipulations and Rhetorical Strategies in the Texts of Political Speeches: Critical Discourse Analysis. In: *Political linguistics*, 6, 57–69 (in Russ.).

6. Dezhits, A. D. (2023). The Concept of Man in the Philosophy of Aristotle. In: *Studia Humanitatis*, 4. URL: www.st-hum.ru (accessed: 03.03.2025) (in Russ.).
7. Demidov, K. B. (2022). The Palestinian-Israeli Conflict. In: *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 9. Oriental and African Studies: Abstract Journal*, 2, 15–33 (in Russ.).
8. Krylov, A. V. & Morozov, V. M. (2018). The Ideology of Hamas: From Radical Islamism to Rational Practicality? In: *Polis. Political studies*, 4, 84–99 (in Russ.).
9. Makhmutova, M. I. (2020). Specifics of the Functioning of the Hamas Movement in the Modern World. In: *Bulletin of Bryansk State University*, 3, 99–111 (in Russ.).
10. Morina, L. P. (2015). The Concept of “Political” in Modern Discourse-Analytical Studies. In: *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 4, 134–141 (in Russ.).
11. Tumanova, E. O. (2023). Political Discourse as a Metadiscourse in the Taxonomy of Discursive Practices (Linguistic Aspect). In: *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 16 (3), 925–931 (in Russ.).
12. Khairullin, T. R. (2024). The Palestinian-Israeli Conflict in 2023: The Reaction of Global and Regional Participants. In: *Asia and Africa today*, 6, 15–24 (in Russ.).
13. Khanaliev, N. U. (2019). The Fragmentation of the Arab World: New Challenges and Conflicts. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2. DOI 10.18384/2224-0209-2019-2-952 (accessed: 03.03.2025) (in Russ.).
14. Abdelal, W. (2016). *Hamas and the Media: Politics and strategy*. London: Routledge.
15. Averre, D. (2022). Russia and the Israel-Palestine Conflict. In: *Routledge Companion to the Israeli-Palestinian Conflict*. Abingdon: Routledge, pp. 449–459.
16. Awad, H. (2021). Understanding Hamas: Remarks on Three Different and Interrelated Theoretical Approaches. In: *AlMuntaqa*, 4 (2), 42–62.
17. Bull, P. & Simon-Vandenberg, A. M. (2019). Conflict in Political Discourse: Conflict as Congenital to Political Discourse. In: *The Routledge Handbook of Language in Conflict*. Abingdon: Routledge, pp. 246–270.
18. Chiluwa, I. (2024). Investigating the Language of Conflict and Peace in Critical Discourse Studies. In: *Critical Discourse Studies*, 2, 1–6.
19. Djono, J. H. & Abidin, N. F. (2023). Representation of Political Conflicts in History Textbooks. In: *Open Access Policy*, 10 (1), 100–113.

20. Fairclough, N. (2013). *Language and Power*. London: Routledge.
21. Farzayee, S. (2023). From State-Centric to Security Complexes: A Review of Regional Security Complex Theory in International Relations. In: *Resolusi: Jurnal Sosial Politik*, 6 (2), 163–179.
22. Gunning, J. (2023). *Hamas in Politics: Democracy, Religion, Violence*. Oxford: Oxford University Press.
23. Kareem, A. H. & Najm, Y. M. (2024). A Critical Discourse Analysis of the Biased Role of Western Media in the Israeli-Palestinian Conflict. In: *Journal of Language Studies*, 8 (6), 200–215.